о ней — тусклая лампада над могилой Неизвестного Солдата». Писательский и гражданский призыв Мережковского — «соединиться всем, кто слышит приближающийся шум потопа, и сказать так, чтобы все услышали: вторая война — конец человечества... А если нет, и потом все-таки будет, то надо строить Ковчег» [2, с. 21]. «Небывалое» — первый раздел книги «Тайна Запада» — состоит из 26 главок, из которых предисловием можно назвать первые 5, а остальные — введением. Размышляя в начальных главках о своей писательской участи, Мережковский переходит к теме, всегда особенно волновавшей его,— к «атеизму небывалому, единственному», породившему социализм и империализм, суть «ученое невежество, новое варварство»: «Плод атеизма буржуазного — империализм — всемирная война международная — уже созрел; плод атеизма пролетарского — всемирная война гражданская, всеубийство — еще зреет» [1, с. 16]. А вот «Маленькой Терезе», роману, по авторскому определению, но религиозно-философскому эссе по существу, предпослан как бы «пролог» — «Смерть отца», являющийся частью текста, связанной с ним тематически, сюжетно и интонационно. Следующие за ним два абзаца первой главки — введение, помещенное прямо в текст романа. Здесь Мережковским сформулированы важнейшие положения, без которых цель дальнейшего повествования не будет понятна, очерчен круг вопросов, на которых он намерен остановиться: «Что такое чудо святости...», «Что такое святость?» [19, с. 315].

Характер предисловий Мережковского менялся с течением времени. В открытом письме Бердяеву «О новом религиозном действии» он впервые признается, что «испытывал минуты такого одиночества, что становилось жутко; иногда казалось, что я или нем, или все глухи: ⟨···⟩ никто ничего не понимает, никто ничего никогда не поймет». «Незаглушимая потребность всякого писателя,— говорил Мережковский,— отнюдь не потребность внешнего литературного успеха, а внутренней живой связи с читателем — в любви к Единому». «Главным» для него стал «читательский отклик», который он услышал в статьях Бердяева: «Вы полюбили не меня, а мое. Это великая радость. Ибо для меня литература — вторая жизнь, не менее глубокая, чем первая» [20, с. 91—92]. Неизменно отстаивающий право на собственную точку зрения, Мережковский еще в статье «Пророк русской революции» говорит о себе и о многих своих современниках как о единомышленниках, болеющих «общей болезнью» и ищущих общих путей; в «Семи смиренных» отделяет себя от части интеллигенции — «веховцев», «дело» которых называет «судом правды, но не любви»; а в докладе «Завет Белинскому» уже отстраняется от целого поколения «учеников Достоевского — кающихся интеллигентов» и в публичном выступлении решает «говорить» о «прообразе всей русской интеллигенции» — Белинском с «надеждой», что слушатели поймут «весь реализм поставленного» им «вопроса» [21, с. 6].

В эмиграции Мережковский с горечью констатирует не только отсутствие «живой связи с читателем», но и наметившийся конфликт с ним: «Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и, особенно, в религии. Всякий пишущий любит книгу свою, как дитя свое, а в глазах почти всех моих читателей я уничтожаю книгу мою, как бы сжигаю, ставя на ней крест во имя Трех. Но что же делать? Я не могу поступить иначе. Это малая жертва тому, что я больше всего люблю и во что больше всего верю...» [2, с. 7]. Элемент «дневниковости», ставший неотъемлемой чертой ранних статей Мережковского, здесь выразился во всей полноте. Надежда на взаимопонимание с читателем, попытки разъяснить ему собственную, во многом отличную от общепринятой, точку зрения, сделать его своим сторонником в последних книгах сменилась разочарованием. Повторяется и сказанное в начале века: «Никто ничего не понимает, никто ничего никогда не поймет»: «А все-таки зачем писать, когда читать некому? Буду откровенен. Прежде всего я пишу для себя. Нет большей радости, чем радость познания, хотя бы одинокого... Радость познания есть радость силы, а сила измеряется движением по линии наибольшего сопротивления. Пусть я говорю не так, как надо, и не то, что надо; но я говорю